

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ КОНЦЕПТОВ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА)

OBJECTIFICATION OF GENDER CONCEPTS IN DISCURSIVE PRACTICES (ON THE EXAMPLE OF MODERN SONG DISCOURSE)

**V. Barashyan
Z. Khachmafova**

Summary. The paper focuses on gender stereotyping in Russian and English song discourse. The focal point of the study is the analysis of concept "woman". Actually, the results manifest Russian song texts contain traditional stereotypes of androcentric society, where a woman is a man's faithful companion, while in English lyrics the leveling of patriarchal canons is observed. In one way or another, the vast majority of the songs of Russian subcultural and western song discourse are devoted to gender relations, where a woman is just an object of male sexual desire.

Keywords: gender, gender concept, gender linguistics, song discourse, stereotype.

Барашян Валентина Каранетовна

Начальник отдела организации учебного процесса
УМУ, ФГБОУ ВО РГУПС, г. Ростов
vbaras@rambler.ru

Хачмафова Зайнета Руслановна

Д.ф.н., профессор, ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп
zaineta@nextmail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей репрезентации гендерных стереотипов концепта «женщина» в русском и английском песенном дискурсе. Исследование показало, что русскоязычные тексты демонстрируют традиционные стереотипы андроцентрического социума, где женщина является верной спутницей жизни мужчины, тогда как в англоязычных текстах наблюдается нивелирование патриархальных канонов. Подавляющее большинство песенных сюжетов российского субкультурного и западного песенного дискурса так или иначе посвящены гендерным взаимоотношениям, где женщине отводится роль сексуального объекта.

Ключевые слова: гендер, гендерный концепт, гендерная лингвистика песенный дискурс, стереотип.

В середине девяностых годов прошлого века отечественная гуманитаристика ознаменовалась развитием нового научного направления — гендерной лингвистики, нацеленной на изучение языка как одного из ключевых источников знаний о характере, специфике и динамике конструирования гендера, являющегося одновременно продуктом культуры и социальных отношений [13, с. 138]. Гендерный фактор является «одной из существенных характеристик личности на протяжении всей жизни, влияющий на осознание своей идентичности в социуме» [2, с. 64].

Дальнейшее развитие гендерной лингвистики опосредовано необходимостью более глубокого изучения гендера, под которым некоторые исследователи понимают знания мужчин и женщин о представителях своего и противоположного пола, зафиксированные в вокабуляре и текстах естественных языков [4, с. 94; 12, с. 6; 15, с. 15].

В терминологический аппарат отечественной науки термин «гендер» был введен А. И. Посадской-Вандербек в 1989 г. Позднее он все чаще начинает употребляться социологами, лингвистами, философами и т.д., однако в различных концептуальных смыслах. Так, Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина под гендером подразумевают социальный статус субъекта, определяющий индивидуальные возможности в получении образования, выполнения профессиональной деятельности и семейной роли, доступе к власти, сексуальности и репродуктивном поведении [7, с. 84]. Кроме того, гендер представляет собой социальную модель поведения женщин и мужчин, определяющую их роль и положение в обществе и его институтах [13, с. 21]. Е. С. Гриценко дает следующую дефиницию анализируемого понятия: гендер — это «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [5, с. 7]. И. В. Зыкова указывает, что основу гендера составляет дихотомия «мужское — женское», с позиции которой как индивидуальное, так и коллективное сознание воспринимает и оценивает окружающую действительность. Автор подчеркивает, что эта универсальная дихотомия не является статичной: любая социально-культурная революция ломает старые и формирует новые гендерные стереотипы [8, с. 50].

Вместе с тем следует отметить, что европейские исследователи впервые заговорили о половой дифференциации речи еще в XVI–XVII вв. Эпоха Великих географических открытий привнесла в европейскую культуру новые представления о мире, о месте женщины в нем, о ее роли в обществе. В это время формируется гендерная идеология, которая определяет роль женщины в обществе и ее место в культуре. В XIX в. гендерная идеология становится основой для формирования гендерных стереотипов. В XX в. гендерная идеология становится основой для формирования гендерных стереотипов. В XX в. гендерная идеология становится основой для формирования гендерных стереотипов.

Вместе с тем следует отметить, что европейские исследователи впервые заговорили о половой дифференциации речи еще в XVI–XVII вв. Эпоха Великих географических открытий привнесла в европейскую культуру новые представления о мире, о месте женщины в нем, о ее роли в обществе. В это время формируется гендерная идеология, которая определяет роль женщины в обществе и ее место в культуре. В XIX в. гендерная идеология становится основой для формирования гендерных стереотипов. В XX в. гендерная идеология становится основой для формирования гендерных стереотипов.

ческих открытий явила миру многочисленные туземные племена, речь которых значительно отличалась в зависимости от пола говорящего. Кроме того, в 1523 г. свет увидело сочинение испанского философа Хуана Луиса Вивеса «De Institutione Feminae Christianae» («Об образовании христианской женщины»), написанное им для будущей королевы Англии Марии Тюдор. В трактате, в том числе, описывалось вербальное поведение, подобающее женщине высокого происхождения. Аналогичные руководства для юных девушек были чрезвычайно популярны и в XVIII–XIX вв. Однако похожие пособия по усовершенствованию речевого поведения юношей отсутствуют. В российской и зарубежной лингвистике традиционно считается, что первым исследователем, заговорившим об отличиях в речевом поведении мужчин и женщин с научной точки зрения, был выдающийся датский лингвист Отто Есперсен, посвятивший женской речи отдельную главу — «The Woman» — своей монографии «Language, Its Nature, Development and Origin» (1922 г.). В 1924 г. он вновь затронул данную проблему в «The Philosophy of Grammar».

Немалую роль в становлении гендерной лингвистики сыграла феминистская критика языка (1970–1980-е гг.), в рамках которой лингвисты подчеркивали существование интенционализма, т.е. осознанного культивирования мужчинами своего доминантного статуса при помощи таких речевых средств как длина высказывания, частота перебивания собеседника, контроль над темой беседы и ее резкая смена и т.д. Исследователи особо обращали внимание на высокую значимость социальных институтов (школы, церкви, армии и т.д.), активно поддерживающих мужское превосходство.

В настоящее время гендерная лингвистика, помимо феминистской критики языка, включает целый комплекс смежных дисциплин. В частности, социолингвистика занимается изучением функционирования языка в группах людей по возрастному, профессиональному и половому признаку; психолингвистика исследует особенности мужских и женских ассоциаций, гендерно детерминированное развитие языковой личности; лингвокультурология способна выявить универсальное и уникальное в представлении о гендере у представителей различных лингвокультур.

Примечательно, что указанные области гуманитарного знания не сменяли друг друга, не конкурировали, а существовали и существуют параллельно, способствуя теоретическому взаимообогащению друг друга. По мнению Н.Н. Болдырева, все указанные области исследования привержены антропоцентризму как основному принципу лингвистического анализа [3, с. 24]. Нельзя не согласиться с А.В. Кириловой, что «практически любая область лингвистики (проблемы референции,

когниции, морфологии, грамматики, синтаксиса, лексикологии и фразеологии, семантики и прагматики, лингвистики текста и т.д.) может быть рассмотрена с точки зрения отражения в них гендерных отношений» [9, с. 139]. И.Г. Серова подчеркивает закономерность экспликации гендерного параметра в гуманитарном знании второй половины XX в., вызванной критикой андрогенного «картезианского» субъекта познания и стремлением противопоставить ему фемининный субъект [12, с. 3].

Основным направлением российской гендерной лингвистики в конце 1990 — начале 2000-х гг. было исследование паремологии и фразеологии как областей лингвокультуры, аккумулирующих базовые концепты коллективного бессознательного. Выдающийся отечественный лингвист В.Н. Телия подчеркивает, что концепты «мужчина» и «женщина» представляют собой универсальные концепты любой культуры, сформированные на основе национальной картины мира в обыденном сознании [14]. М.В. Малинович также пишет о том, что указанные концепты включены в «лингвофилософскую систему «вечных ценностей», занимающих вершинное положение в иерархии фундаментальных категорий в семантическом континууме естественного языка» [10, с. 8]. Вместе с тем, на наш взгляд, концепты «мужчина» и «женщина» не являются понятийно-устойчивыми. Это динамические, исторически детерминированные концепты, по-разному осмысливающиеся в сознании носителей той или иной культуры в различные эпохи. Например, вряд ли, сейчас актуально стихотворение Альфреда Теннисона, написанное им в середине XIX в.:

*Man for the field and woman for the hearth:
Man for the sword and for the needle she:
Man with the head and woman with the heart:
Man to command and woman to obey*
(The Princess, 1847).

Однако манифестация знаний о гендере может осуществляться не только при помощи пословиц и поговорок, но и других форматов, в том числе в виде песен. Л.Г. Дуняшева рассматривает песенный дискурс как потенциальный ресурс (вос)производства базовых ценностей и концептов любой культуры. Исследователь отмечает, что его целенаправленное изучение позволит выявить многообразие различных аспектов взаимодействия языка и социума, включая и языковое моделирование гендера [6, с. 3].

Гендерный концепт «женщина» / «woman» в песенном дискурсе включает гендерные стереотипы, сценарии, разворачивающиеся по определенной схеме, тематические группы, вокабуляр и стилистику текстов. К сожалению, ограниченный объем исследования не позволяет нам детально проанализировать каждый

из перечисленных пунктов, поэтому цель данной работы заключается в актуализации гендерных стереотипов концепта «женщина» / «woman» в современном русском и английском песенном дискурсе.

Анализ репрезентации гендерных стереотипов концепта «женщина» / «woman» в дискурсивной практике русской и зарубежной эстрады позволил выявить следующие его характеристики.

1. Женщина — это верная спутница мужчины, его вторая половинка, не представляющая своей жизни без него: *Пускай всегда где, ты там я // Твоя любовь — моя весна!* (Нюша); *Ты и я — половинки, // Ты и я — две кровинки* (Наталья Ветлицкая); *Жизнь свою отдам тебе // Ты мой ангел, ты мой свет // Самый близкий и родной* (Ани Лорак); *Ты не виновный на суду // Но я одна тебе поверила // Я за тобой и в ад пойду!* (Ирина Дубцова); *I will always love you* (Whitney Houston); *I will always be with you // Makes no difference where // your road takes you to // I'll be by your side whatever you do* (Sheena Easton); *Cross my heart, hope to die // To my lover, I'd never lie* (Halsey); *I will love you till the end of time // I would wait a million years // I promise* (Jenifer Page); *I can't live // If living is without you // I can't live // I can't give anymore* (Mariah Carey).

С одной стороны, женщина способна защитить своего возлюбленного от всех невзгод: *Я приду к тебе на помощь // Я с тобой пока ты дышишь // Было так всегда, ты помнишь // Будет так всегда, ты слышишь?* (Алена Свиридова); *Я стану ангелом для тебя и защищу тебя от боли // Я защищу тебя, убежешь, спасу* (Аника Долински). С другой стороны, она ведома мужчиной по жизни: *I'm your Lady, and you're my Man, // wherever you reach for me, I'll do that I can* (Celine Dion); *Ты мой Бог, пусть все об этом знают, // Ты мой Бог, // И тебя я боготворю* (Ирина Понаровская).

Периферией гендерного концепта «женщина» / «woman», эксплицированного в современном песенном дискурсе, являются такие концепты, как «любовь» / «love», «счастье» / «happiness», «мечта» / «dream» и, разумеется, «мужчина» / «man»: *Я мечтаю о тебе лишь! // Я скачаю — ты не веришь! // Невозможно мне забыть тебя // Ты не поверишь!* (Есения); *Ты же видишь — я живу тобою // Моей огромной любви // Хватит нам двоим с головою* (Земфира); *Я назову планету именем твоим // И будет мир принадлежать всегда лишь нам, двоим // Твоей безоблачной вселенной — стану я // Ты — любовь моя, ты — любовь моя* (София Ротару); *Мой самый лучший из мужчин — на миллион такой один! // Ты мой самый лучший из мужчин! // Моей любви всей господин ты* (Лола); *You are the boy*

that I've always dreamed of // I knew it from the start // I saw your face and that's the last I've seen of my heart (Era Istrefi); *You the one that I dream about all day // You the one that I think about always // You are my love, love, love* (Rihanna); *You are the one, you're my number one // The only treasure I'll ever have // You are the one, you're my number one // Anything for you 'cause you're the one I love* (Elena Paparizou).

По мнению А.П. Ранских, пространство ментальности влюбленной женщины в своем существовании опирается на следующие положения: счастье безгранично, мир идеален, безобразное (абьюзивные отношения, например) воспринимается как эстетическое [11, с. 86]. Как правило, этот идеальный мир рушится под натиском мужчины, имеющего более трезвый взгляд на вещи и следующего заветам консюмеризма. Именно в этом, по мнению П.А. Андреевой, проявляется «одно из вечных противостояний женщины и мужчины: созидание — потребление» [1, с. 217].

2. Женщина предстает в ипостаси мученицы и страдальницы. Указанный признак восходит к Священному писанию, согласно которому весь женский род обречен на страдания, т.к. Ева не только попробовала плод с Древа познания добра и зла, но и уговорила Адама вкусить его: *Крикну, а в ответ — тишина, // Снова я останусь одна, // Сильная женщина плачет у окна* (Алла Пугачева); *А не со мной ты, не со мной, // А я страдаю, страдаю, страдаю. // У любви голос твой. // Как тебя, тебя, тебя мне не хватает* (Ночные снайперы); *А я люблю, а я страдаю, // Мечтою вдохновлённая. // И мыслями себя терзаю, // Их огнём сожженная* (Татьяна Нежелская); *I'm broken. // You broke me. // I'm hurting, // Cuz you hurt me. // I'm dying. // You killed me, // And now all I know is suffering* (Alicia Keys); *You hurt me, baby // But you don't care (care, care) // Now I'm crying and deserted, baby // But you don't care (care, care)* (Beyonce); *I hate you I love you // You want her, you need her // I'll never be her // And I'm feeling used* (Gnash).

Вместе с тем, тенденцией песенного творчества последнего десятилетия является отход от мысли о том, что женщина — прекрасный, но слабый пол. Ключевые инфлюенсеры западного шоу-бизнеса (Madonna, Jennifer Lopez, Beyonce и др.) в своих песнях «рисуют» портрет сильной женщины, наделенной качествами, необходимыми, чтобы выстоять и поддерживать стабильность во взаимоотношениях с мужчинами: *Who run the world? // Girls!* (Beyonce); *I've had enough // I'm not your property as from today, baby // You might think that I won't make it on my own // But now I'm // Stronger than yesterday // Now it's nothing but my way* (Britney Spears); *You think that I can't live without your love // You'll see //*

You think I can't go on another day // You'll see // I know I'll survive // I know I'll stay alive (Madonna); I don't need to live by your rules, you don't control me (Ariana Grande); What doesn't kill you makes you stronger; // Stand a little taller (Kelly Clarkson); Ты больше не боль — для меня ты никто! // Игра воспалённого воображения ... // Ты слева девятый в десятом ряду // Тебе посвящаю — минуту молчанья (Ани Лорак); Быть сильной и смелой — это уже в крови. // И совестью белой окрасить весь этот мир. // Никогда не сдаваться // Это стало моим заветом (Валерия).

3. Однако вышеперечисленные признаки репрезентируются исключительно в песнях, исполненных самими женщинами, тогда как для песен, исполненных мужчинами, характерно представление женщины в качестве сексуального объекта. В этих песнях женщина изображена или как *femme fatale*, привлекающая внимание представителей мужского пола: *Я как мальчик попадаю в плен // Твоих флюидов // Ты так красива // Невыносимо (Sex Pistols); Сердцеедка, сердце-сердцеедка // Ты играешь с нами в русскую рулетку // Пять заряженных, один — холостой // Сколько женихов уже убитые тобой (Егор Крид); Она самая красивая. // Глаза, как небо синие // Не знаю, как признаться ей. // Что я люблю ее и с каждым днем сильнее (Алексей Воробьев); Beautiful, beautiful, beautiful, beautiful angel // Love your imperfections every angle (Bazzi); Sexbomb, sexbomb, you're my sexbomb // And baby you can turn me on, baby you can turn me on (Tom Jones); Girl girl you so hot, you so hot // I like your style and your attitude // Yore polite, yet you're so rude // I want to get in your head // Right before I get in your bed (Ку-Мани Marley);* или как маргинальная личность, интересы которой лежат в плоскости материального достатка: *Ты красивая малая, но ты знаешь, что дело не в красоте // И на все их комплименты у тебя давно иммунитет // Тебе так важен счет моей карты и авторитет (Егор Крид); Я помню, как ты мечтала о Париже и часах Cartier // И я всё тратил, и оставался жить на дне (Тимати feat. Егор Крид); Какая ж ты [...] // Как же я тебя любил, // На руках везде носил // Чтобы ты ни в чем нужды не знала (Капитан Ураган); Она продаст душу // За ключи от Панамеры // [...] хочет денег // [...] хочет на Мадейру (Goody); U wonda why they call you [...]? // You's a money hungry woman and you need 2 change (2Pac); Hey, [...], your life is all*

about sex and money (MC Pooh); Take it off, the money is your game // You jump in bed with fame // You're a crazy [...] // But you [...] so good, I'm on top of it (Buckcherry).

При этом зачастую авторы текстов обращаются к образам животных для метафорической номинации женщины-соблазнительницы. Действительно, одним из наиболее распространенных источников метафоры для экспрессивно-оценочной характеристики человека служит зооморфизм, выступающий когнитивной проекцией образа животного к характеристике человека и обладающий ярко выраженным коннотативным потенциалом.

Женщину называют кошкой, львицей или тигрицей: *Да, парень, ты попал в мир женщин // Здесь есть тигрицы и львицы (23:45); Братан, она тигрица // Заставила влюбиться. // И днем и ночью снится // Что со мною не пойму (Faruh Firdaus); She is a catwoman from the moon (One Direction); Gonna spend my last dime on a telephone call // 'Cause she's the wildest thing I've ever seen // Now they call her the cat (Elton John); курочкой или цыпочкой: Ну что ты, моя курочка, плачешь? // Я даже не ворчал, сегодня не ворчал (Михаил Шуфутинский); Girl I know you wanna be my main chick, my main chick // Said [...] whoever you came with, who you came with (Chris Brown); Girl, I need to drop you // Because on the real, you're too high school // I need a new chick, I need a new chick (Dumbfoundead); She's been a crazy Dita, disco diva and you wonder // Who's that chick? // Who's that chick? // Too hot for you to leave her (David Guetta).*

Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что в дискурсивной практике отечественного шоу-бизнеса устоялся стереотипный образ женщины — верной подруги жизни мужчины, которая любит и хранит ему верность, несмотря на то, что он иногда ее обижает или предаёт. В англоязычном песенном дискурсе все увереннее звучит «голос» феминизма, выступающего против застоявшихся устоев патриархального общества и ломающего стереотип женщины — хранительницы семейного очага. Кроме того, в российском субкультурном песенном дискурсе (рэп, шансон и др.) и западной поп-культуре детально эксплицированы те признаки концепта «женщина» / «woman», которые характеризуют ее как объект сексуального удовольствия и эстетического наслаждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева А. П. Архетип матери, как определяющая сущность женской ментальности // Аналитика культурологии. — 2009. — № 1 (13). — С. 216–220.
2. Бешукова Ф.Б., Хачмафова З. Р. Языковая репрезентация гендерного стереотипа мужественности в дискурсе СМИ (на материале российских журнальных текстов) // «Вестник АГУ». Выпуск 4 (207) 2017 С. 63–67.
3. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18–36.

4. Вороненко Д. Н. Современные подходы к определению понятия «гендер» // Вестник Орловского государственного университета. — 2013. — № 2. — С. 93–97.
5. Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс: Монография. — Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2005. — 267 с.
6. Дуняшева Л. Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе (на материале жанров блюз и рэп): автореф. канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2012. — 24 с.
7. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России. // Материалы первой летней школы по женским и гендерным исследованиям / Ред. О. А. Воронина, З. А. Хоткина, Л. Г. Луныкова. — М.: МЦГИ, 1997. — С. 84–89.
8. Зыкова И. В. Гендер — конструкт фразеосферы русской и английской культур // Гендер: язык, культура, коммуникация. Материалы третьей международной конференции. — М.: МГЛУ, 2003. — С. 50–51.
9. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Институт социологии РАН, 1999. — 180с.
10. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: языковая реальность: коллективная монография / М. В. Малинович, Д. А. Арипова, В. В. Батицкая [и др.]. — 2 изд., испр. — Иркутск; ИГЛУ, 2014. — С. 7–39.
11. Ранских А. П. Женственность как социокультурный феномен // Вестник Гродненского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 83–91.
12. Серова И. Г. Социокультурный конструкт «гендер» в интерпретативном пространстве языка и дискурса: автореф. д-ра филол. наук. — СПб., 2017—41 с.
13. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация Восток — Запад: Женские Инновационные Проекты. М.: Информация — XXI век, 2002. — 255 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
15. Трофимова Е. И. Терминологические вопросы гендерных исследований в филологических науках // Тезисы докладов Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». — МГЛУ, Москва, 22–23 ноября 2001 г. — С. 15–16.

© Барашян Валентина Карапетовна (vbaras@rambler.ru), Хачмафова Зайнета Руслановна (zaineta@nextmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Ростов